
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

О.Г. ХАРИТОНОВА

НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ*

Недемократические политические режимы попадали в фокус исследований сравнительной политологии в рамках теорий модернизации, распадов авторитаризма и транзитов к демократии. В конце 1990-х годов политологи стали изучать особенности функционирования политических институтов в недемократических режимах и их влияние на режимные трансформации. Родоначальницей сбора данных по авторитарным режимам стала Барбара Геддес. Исходя из убеждения, что «авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии» [Geddes, 1999, p. 121], она заложила основу для систематического анализа недемократических режимов и их изменений. Начиная с 1980-х годов и по настоящее время в мейнстриме исследований недемократических режимов преобладает волюнтаристский подход (Б. Геддес, Б. Магалони, Дж. Ганди, А. Пшеворский). Недемократические институты создают ограничители для акторов, которые должны либо действовать в существующих рамках, либо изменять институты для достижения своих интересов. Стабильность режимов обеспе-

---

* Статья написана в рамках проекта Программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ (Т363) «Государственная состоятельность как предпосылка демократии? (Эмпирический анализ взаимосвязи типов государственной состоятельности и траекторий режимных трансформаций в странах “третьей волны демократизации”)».

чивается определенным политическим эквilibriumом, созданным институтами.

Еще в конце 1990-х годов Махони и Снайдер отметили, что эволюция институтов является пропущенной переменной в исследованиях режимных изменений [Snyder, Mahoney, 1999]. Однако до сих пор подход исторического институционализма, показывающий, как устойчивость режима связана определенными зависимыми траекториями с его истоками и как критические развилки определяют дальнейшую эволюцию (Дж. Браунли, Ч. Тилли, Б. Смит), распространен в меньшей степени и используется для качественных казуально-ориентированных исследований.

Данная статья посвящена рассмотрению основных типов недемократических политических режимов и возможностей их изменений с точки зрения действий и рационального выбора основных акторов режима. Статья базируется на типологии Б. Геддес, которая группирует режимы по типу акторов, принимающих ключевые решения: партия – в однопартийных режимах, армия – в военных, лидер единолично – в персоналистских.

Однопартийные режимы

В однопартийных режимах решения принимаются не непосредственно лидером, а высшим органом партии (центральным комитетом, политбюро, партийным съездом), а лидер в этой иерархии занимает высшее, но подотчетное место генерального секретаря партии, президента, выдвинутого партией. Власть сконцентрирована не в руках лидера, а у партийной элиты, и хотя лидер является первым среди равных во властной пирамиде, абсолютной власти у него нет. Это правомерно лишь для чистых типов однопартийных режимов без элементов персонификации власти (султанистских или неопатримониальных партийных режимов). Однопартийные режимы, в отличие от персонифицированных однопартийных, не только ограничивают власть лидера, но и легко решают проблемы преемственности власти.

Основными характеристиками однопартийных режимов у Б. Геддес являются несменяемость и получение партией более 2/3 голосов, что обеспечивает нахождение у власти [Geddes, 2004]. Под это расширенное определение попадают не только режимы с

одной партией, но и формально многопартийные режимы, в которых доминирует одна партия или одна коалиция. Несмотря на легальное существование других партий, партия власти всегда выигрывает выборы в течение продолжительного периода и контролирует всю политическую сферу. В однопартийных режимах лидеры всегда ограничены в своих действиях необходимостью согласования всех шагов с партией. Рекрутирование элиты происходит только через партию, которая контролирует доступ к власти. Некоторые авторы разделяют режимы с одной партией и с доминирующей партией [Magaloni, 2008]. В последних все партии, кроме правящей, могут быть представлены в парламенте, однако часто они становятся сателлитами, фракциями или сторонниками правящей партии. Попытки операционализации режима с доминирующей партией сводятся к определению количества лет пребывания партии у власти – минимум 20 лет [Templeman, 2010, p. 11]. До достижения этого срока режим будет однопартийным в расширенном понимании. В однопартийных режимах и режимах с доминирующей партией лидер ответственен перед партией, и там и там схожи логика выживания и модели поведения акторов, поэтому в рамках данной статьи они будут рассмотрены вместе.

Однопартийные режимы и режимы с доминирующей партией появляются в результате следующих режимных изменений: во-первых, «сверху» – из авторитарного режима другого типа, во-вторых, «снизу» – из общества, в-третьих – в результате распада многопартийной демократии. Трансформации режимов с доминирующими партиями в однопартийные режимы были характерны для постколониального развития Суб-Сахарного региона, обратные трансформации стали результатом четвертой волны демократизации [Magaloni, Kricheli, 2010, p. 130–133]. С точки зрения Б. Смита, создание доминирующей партии является ответной реакцией лидера на существование организованной оппозиции, наличие массовых мобилизационных партий или иных сил, способных создать угрозу режиму [Smith, 2005]. С. Хантингтон писал, что «стабильность однопартийных режимов определяется их истоками, а не характером... Чем интенсивнее борьба за власть, тем больше стабильность новой системы» [Huntington, 1968, p. 424].

Более 30% авторитарных режимов с 1950 по 2010 г. были однопартийными [Geddes, 2006; Magaloni, 2008]. Анализ продолжи-

тельности существования недемократических режимов Б. Геддес демонстрирует, что самыми устойчивыми из трех чистых типов являются именно однопартийные режимы (25 лет) либо смешанные – с элементами однопартийности, военного правления и персонализма (23–30 лет) [Geddes, 1999, p. 133]. Исследование А. Хадениуса и Ж. Теорелля подтвердило большую продолжительность существования однопартийных недемократических режимов (18 лет) по сравнению с многопартийными режимами с доминирующей партией (10 лет) при наименьшей стабильности многопартийных режимов без доминирующей партии (шесть лет) [Hadenius, Teorell, 2007, p. 150]. При проведении подобных исследований следует иметь в виду наличие «долгожителей», таких как СССР (75 лет) и Мексика (72 года), увеличивающих результаты по всей выборке. Тэмплман, разделивший правящие партии на партии – основательницы режима с доминирующей партией и партии, пришедшие к власти в результате многопартийных выборов, пришел к выводу о том, что первые существуют в два раза дольше [Templeman, 2010, p. 26].

Специфические черты однопартийных режимов позволяют трансформировать их лишь изнутри путем нарушения политического эквигриума: раскола партии и поражения ее на выборах. С точки зрения Б. Геддес, при наличии каких-либо разногласий или оппозиционных взглядов между фракциями однопартийного режима единственным оптимальным вариантом для них в любом случае будет совместное нахождение у власти, и наихудшим – потеря власти. Геддес моделирует логику однопартийных режимов с помощью игры «Охота на оленя», при которой для достижения общей цели (олень, символизирующий сохранение власти) всем «охотникам» (возможным фракциям внутри однопартийного режима) необходимо объединиться и держаться вместе. Так как ни одна из фракций не будет в выигрыше в одиночку и ни одна добровольно не откажется от власти, правящие партии стремятся к кооптации потенциальной оппозиции и включению ее в политический процесс. В такой игре на первом месте стоят ценности сохранения стабильности, удержания власти и обеспечения единства внутри элиты. По мнению Геддес, «в однопартийных режимах нет других стимулов, кроме стимулов к сотрудничеству» [Geddes, 1999]. Хотя существуют примеры появления «иррациональной» антирежимной оппозиции, разрушающей режим изнутри или присоединяющейся

к оппозиционному движению «снизу», это является уже другой «игрой».

Сторонники теории вето-игроков выделяют в однопартийных режимах два вето-игрока, чьи предпочтения определяют политику: лидер партии (индивидуальный вето-игрок) и высшее руководство партии (коллективный вето-игрок). Идеологически эти режимы не однородные, и единство элиты не является неотъемлемой характеристикой однопартийных режимов, оно достигается в результате постоянных дискуссий относительно будущего развития в общих интересах режима [Frantz, 2003].

Б. Геддес, развивая идеи Б. Магалони, считает, что режимы с доминирующими партиями представляют собой сверхбольшие правящие коалиции, так как, «во-первых, им нужно создать имидж целостности партии для предотвращения расколов, и во-вторых, для контроля над процессом конституционных изменений» [Magaloni, 2006, p. 15–19]. Так создается эквilibrium, в котором объединение приносит обоюдный выигрыш, и потенциальные оппоненты вместо свержения режима стремятся к его укреплению. Кроме единства внутри элиты, доминирующей партии необходима массовая поддержка и регулярная демонстрация массовой поддержки на выборах. Такая поддержка обеспечивается репрессивными методами и поощрением лояльности, с одной стороны, и рациональным выбором избирателей, стремящихся максимально увеличить личную выгоду, – с другой. По мнению Магалони, «трагическое величие этой системы заключается в том, что, несмотря на коррупцию, неэффективность политики и даже отсутствие экономического роста, население может активно способствовать ее сохранению... Свободный выбор рационального избирателя, ограниченного серией стратегических дилемм, вынуждает его сохранить лояльность режиму» [Magaloni, 2006, p. 19].

Таким образом, однопартийные режимы выживают благодаря единству правящей (партийной) элиты, кооптации оппозиции и мобилизации граждан в поддержку режима. Именно этим объясняется продолжительное существование и нежелание их лидеров предпринимать какие-либо шаги в сторону демократизации.

Военные режимы

В военных режимах все решения принимаются армией – институтом, контролирующим доступ ко всем ключевым властным постам. Военные режимы обычно представляют собой коллективное руководство в форме военной хунты, в которую входит высшее руководство различных родов войск, причем каждый член хунты опирается на поддержку своих войск и обладает определенной автономией и потенциалом к свержению режима. Часто создаются политические партии, однако это не меняет сущности режима, который остается военным: власть распределяется через армию, а не через партию.

Количественные исследования демонстрируют, что военные режимы обычно приходят на смену демократиям, многопартийным авторитарным режимам или анархии [Magaloni, Kricheli, 2010, p. 130–131]. Причем армия представляет большую угрозу для гражданских диктатур (28% гражданских диктатур сменились военными). В целом в 67% случаев демократии распались из-за действий военных [Magaloni, 2010]. Военные режимы отличаются от гражданских мотивами прихода к власти, вариантами институционализации режима, способами выхода из властных структур. Военные, которых, начиная с С. Хантингтона, называют вето-игроками, чаще всего приходят к власти в результате вето-переворота для защиты национальных интересов, спасения государства от гражданских политиков (коррупцированных, идеологически отличных от интересов армии) или другой реальной или потенциальной угрозы (гражданская война, анархия, диктатура, революция и т.п.). Придя к власти, военные используют аппарат армии для консолидации своего режима и, считая себя нейтральными арбитрами, вынужденными заняться политикой, готовы вернуть власть гражданским при разрешении проблем, вызвавших их вмешательство в политику.

Военные режимы благодаря своему нелегитимному получению власти (переворот в большинстве случаев) являются наименее устойчивыми авторитарными режимами со средней продолжительностью 10–11 лет [Geddes, 1999, p. 133; Hadenius, Teorell, 2007, p. 150]. С точки зрения Б. Геддес, «военные режимы несут в себе источник своего разрушения» [Geddes, 1999, p. 131]. Самую большую угрозу для лидера военного режима представляют другие во-

енные лидеры, обладающие возможностями организовать новый переворот. По мнению Б. Геддес, «перевороты в военных режимах – обычные смены лидерства, аналогичные вотумам недоверия» [Geddes, 2003, p. 66], поэтому практически в 50% случаев одни военные лидеры свергаются другими [Gandhi, Przeworski, 2007, p. 1289].

Источником нестабильности военных режимов часто называют групповое сознание военных, которому присущи такие корпоративные ценности, как порядок, дисциплина, иерархия, субординация, единство, сплоченность и эффективность армии. Структура военного режима соответствует военным ценностям и отражает структуру армии, и политический процесс подчинен нормам военного института. Военные режимы имеют жесткую иерархию, лидер выбирается военной хунтой, а решения принимаются коллективно. Власть лидера ограничена военной хунтой, сплоченной в своих интересах и предпочтениях, поэтому лидерам для сохранения своей власти и исключения риска переворота необходимо следовать этим интересам. В теории вето-игроков лидер представляет собой индивидуального вето-игрока, а хунта – коллективного вето-игрока, причем оба актора должны быть едины в предпочтениях и действиях [Frantz, 2003].

Высшей ценностью для военных являются сохранение единства армии и ее эффективность. Любых других целей (обеспечение территориальной целостности, порядка или свержения диктатора) можно достичь только сплоченным, дисциплинированным фронтом. Моделируется поведение военных фракций с помощью игры «свидание», которая демонстрирует, что для военных в первую очередь важно сохранить единство армии, независимо от совместно принятого решения, оставаться ли в казармах (вернуться ли в казармы) или вмешаться в политику. Для достижения единства необходимы координация и объединение усилий всех фракций. Соответственно вмешательство армии в политику (переворот) будет тщательно спланировано и проведено в сотрудничестве со всеми основными фракциями. При отсутствии поддержки со стороны других фракций попытки переворотов, организованные другими силами, будут повторяться [Geddes, 1999]. Суммируя результаты исследований военных режимов, Геддес пишет: «Большинство военных не согласятся на дезинтеграцию армии на соревнующиеся

фракции... (они) больше всего ценят сохранение и эффективность армии» [Geddes, 2003, p. 54], а любая фракционность может дестабилизировать военный режим. Таким образом, раскол в армии представляет самую большую проблему для военного режима, поэтому для предотвращения распада армии как института необходимо деполитизация армии и передача власти гражданским.

Персоналистские режимы (личные диктатуры)

Многие политологи вслед за Х. Линцем, выделявшим султанистские режимы как отдельный тип недемократического режима, также выделяют персоналистские режимы (Huntington, Geddes, Frantz). Другие же рассматривают персонализм как черту авторитарных политических режимов любого типа (Hadenius, Teorell, Magaloni, Gandhi). Действительно, всем авторитарным режимам присуща персонификация власти: в половине военных или однопартийных режимов или их комбинаций проявились персоналистские черты и треть режимов стали полностью персонифицированными [Geddes, 2004]. Выделение персоналистских режимов справедливо при разграничении акторов, принимающих ключевые решения в рамках режима.

В персоналистских режимах несмотря на военную форму лидера и наличие правящей партии принятие решений и рекрутирование в политическую сферу зависит исключительно от воли лидера, обычно харизматического типа, и ни один другой актор не может ограничить его власть. Такие лидеры приходят к власти в условиях существования слабых политических институтов, а также после их распада или свержения. Лидеры начинают с концентрации своей власти и теоретически могут вызвать «институциональное развитие и стать Великими законодателями или Отцами-основателями» [Huntington, 1968, p. 238]. Однако основывают они обычно режим личной диктатуры. Чтобы сохранить власть, диктатор должен не только подавлять оппонентов, но и осуществлять перераспределение для обеспечения лояльности сторонников.

Персоналистские режимы используют отличные от других режимов механизмы мобилизации поддержки. Если однопартийные режимы получают поддержку в результате распределения общественных благ, военные режимы – в результате репрессий и угрозы репрессий, то персоналистские – через селективное распределение

индивидуальных благ определенным группам [Geddes, Przeworski, Wright]. Они используют политику «разделяй и властвуй», предотвращающую сотрудничество между группами, необходимое для свержения диктатора, и сохраняют равновесие, при котором никто не рискует противостоять лидеру [Acemoglu, Robinson]. В таком режиме всегда есть «репресслируемый класс и сверхоплачиваемый класс, все остальные, что печально, могут оказаться в любом из этих» [Wintrobe, 2007, p. 367]. Однако принадлежность к этим группам не является фиксированной, история дает достаточно примеров, когда члены элиты подвергались репрессиям, высылались из страны и возвращались назад по желанию диктатора. Каждому лидеру необходима группа поддержки, но логика существования данного режима способствует соперничеству между членами клики и появлению индивидуальных договоренностей с диктатором. В результате предпочтения всей клики будут соответствовать интересам диктатора, и, учитывая, что у диктатора нет необходимости договариваться с армией или политической партией, он всегда будет обладать преимуществом в переговорах и сможет навязать свое мнение другим акторам.

В персоналистских режимах преобладает логика минимальных выигрышных коалиций, когда доступ к власти получает небольшая клика приближенных к лидеру участников, число которых увеличивается только при угрозе оппозиционного восстания [Gandhi, Przeworski, 2006, p. 9–10]. Пока режим обладает поддержкой, нет необходимости расширять состав участников коалиции и «делить дивиденды», так как даже отстраненные от власти будут сотрудничать с режимом: в персоналистском режиме лучше быть сторонником, чем противником.

Лидер контролирует свою клику, армию, аппарат безопасности, все назначения и повышения и всегда, даже превентивно, может наказывать за нелояльность режиму. Поэтому в таких режимах редко осуществляются успешные перевороты. Неограниченная концентрация власти ведет к непредсказуемости и неэффективности политики и смене идеологии по желанию лидера, что, однако, не создает угрозу его власти. Неэффективность является следствием некомпетентности как результата негативной кадровой политики обмена лояльности на компетентность. В исследовании Егорова и Сониной такая политика – неотъемлемая черта любой диктатуры.

При этом чем сильнее наказание за предательство, тем меньше шансов у диктатора на получение компетентного советника [Egorov, Sonin, 2005]. Из-за страха быть свергнутым диктатор окружает себя не способными ему противостоять или некомпетентными соратниками, что приводит к ошибкам во внутренней и внешней политике [Ezrow, Franz, 2011, p. 76].

Персоналистские режимы в среднем существуют 10–15 лет, с элементами военного и однопартийного режимов «могут рассчитывать на вечность» (более 30 лет) [Geddes, 1999, p. 133; Frantz, 2007]. Более двух третей диктаторов (205 из 303) стали жертвами переворотов или других действий инсайдеров режима [Svolik, 2009], и в первую очередь это относится к персоналистским режимам. По его данным, чем дольше лидер находился у власти, тем меньше была вероятность переворотов и тем больше была возможность потери власти в результате других факторов (переход к демократии, внешняя интервенция, естественная смерть).

Логика существования и сохранения персоналистских режимов позволяет определить правила игры при таком режиме. Всегда право превентивного и последнего шага, первое и последнее слово во всех решениях остается за лидером. Б. Геддес моделирует игру в форме «дерева» и показывает, что после каждого шага лидера другие акторы могут принять решение поддержать режим или организовать переворот, но при обычных обстоятельствах ни у кого нет причин не поддерживать режим [Geddes, 1999; 2003].

Любые институты, существующие в персоналистских режимах, служат цели сохранения власти лидера. Политика здесь представляет собой игру между двумя вето-игроками: индивидуальный вето-игрок (диктатор) и коллективный вето-игрок (клика), причем второй полностью подчинен первому [Frantz, 2003]. При отсутствии другой властной структуры, способной ограничить лидера, властная клика, состоящая из ближайших сторонников и родственников диктатора, будет подвергаться регулярным «чисткам». Отсутствие каких-либо ограничителей позволяет по желанию избавляться от других членов правящей группы, причем с тенденцией устранения наиболее сильных, что будет рассматриваться как гарантия стабильности правящей коалиции [Acemoglu, Egorov, Sonin, 2009]. Созданную диктатором политическую партию ожидает аналогичный подход.

Институты недемократических режимов

Недемократические режимы часто используют такие демократические институты, как политические партии, выборы и парламенты, однако партии нужны им не для соревнования, выборы – не для передачи власти, а парламенты – не для принятия решений. Внедрение этих институтов имеет целью лишь сохранение недемократического режима и противостояние потенциальным угрозам власти лидера. Институционализация – процесс, в ходе которого институты и процедуры становятся значимыми, устойчивыми и воспроизводимыми [Huntington, 1968, p. 12]. Институционализация в недемократических режимах создает устойчивость авторитарных практик и процедур, так называемую «институционализированную определенность» (термин В. Банс). При отсутствии институтов, ограничивающих власть лидера и обеспечивающих преемственность власти, недемократические режимы могут превратиться в персоналистские, в которых каждое решение принимается лидером.

По мнению А. Пшеворского и Дж. Ганди, выживанию авторитарного лидера способствует именно «правильная» институционализация, обеспечивающая мобилизацию поддержки и какую-либо легитимацию режима. Таким образом, наличие партии власти и проведение несоревновательных выборов служит не только отличительной чертой коммунистических режимов, но и одним из проверенных и до сих пор используемых механизмов сохранения власти недемократического лидера. Автократы, использовавшие механизмы институционализации, в среднем удерживали власть 8,38 года, не использовавшие – 3,30 года. 108 правителей с оптимальным уровнем институционализации продержались у власти в среднем 6,88 года, 166 «перестаравшихся» в плане институционализации – 9,36 года. Авторы заключили, что «сверхинституционализация не приносит значительных выгод правителям, а недоинституционализация представляет собой значительный риск» [Gandhi, Przeworski, 2007].

В теории С. Хантингтона «политические институты исторически появились из взаимодействий и конфликтов между социальными силами и постепенного развития процедур и организационных механизмов для их разрешения. Условиями для появления политических организаций и процедур являются распад малого

гомогенного правящего класса, диверсификация социальных сил и усиление взаимодействия между ними» [Huntington, 1968, p. 11]. Эта логика сохраняется и при формировании институтов в демократических режимах: появление оппозиционных режимов сил, способных свергнуть существующий режим, их включение в политику и формальное расширение правящего класса. Однако такая институционализация способствует не разрешению конфликта, а его нейтрализации, что соответствует интересам диктатора.

Главными задачами диктатуры являются преодоление открытого сопротивления и максимизация своей «ренты», что возможно только при сохранении власти [Gandhi, Przeworski, 2006]. А. Пшеворский и Дж. Ганди выделяют три ситуации эквилибриума: во-первых, диктатор «не делится» с оппозицией, которая слаба и не восстает; во-вторых, при сильной оппозиции диктатор идет на компромиссы, делится «рентой» для предотвращения восстания; в-третьих, когда у оппозиции нет шансов свергнуть диктатора, он идет на незначительные уступки, и оппозиция восстает [ibid.].

Итак, внедрение формальных институтов имеет целью лишь сохранение недемократического режима и противостояние потенциальным угрозам власти лидера. В базе данных Б. Геддес 51% военных и персоналистских лидеров создали партии после прихода к власти и продержались 14 лет, 29% кооптировали существующие ранее партии (11 лет), 20% не использовали партию (семь лет), что подтверждает важность наличия политических партий для сохранения авторитарных режимов [Geddes, 2006, p. 8–9].

С. Хантингтон считал, что политическая партия является единственной современной организацией, которая может стать источником власти. При слабости политических институтов высокоинституционализированная политическая партия является условием стабильности, а режимы без партий или с большим количеством слабых партий – нестабильны [Huntington, 1968, p. 91]. Дальнейшие исследования подтвердили правильность этих суждений: партийные режимы самые устойчивые, средняя продолжительность существования военного режима с партией в три раза выше, чем военного беспартийного [Geddes, 1999, p. 133], а самые неустойчивые режимы – многопартийные без доминирующей партии [Hadenius, Teorell, 2007, p. 150]. Режимы с правящими партиями обеспечивают единство элиты и долгосрочную стабильность режима и власти

лидера, в то время как режимы со слабыми партиями приводят к фракционности элиты и конфликтам. С точки зрения Браунли, в этом случае лидер, опасаясь за свою власть, будет разрушать существующие партийные институты, уменьшать правящую коалицию, что приведет к нестабильности режима [Brownlee, 2007, p. 37].

Создание партии поддержки лидера может стать противоядием для других внутрирежимных фракций, таких как хунта или клика. Официальные партийные названия, платформы и идеологии хотя и претендуют на достижение более широких целей, чем поддержка отдельных лидеров, на самом деле продлевают сроки удержания власти конкретным лидером и способствуют устойчивости существования авторитарного режима. Правящая партия нужна недемократическому режиму в качестве главного инструмента для контроля над обществом, мобилизации поддержки режима, предоставления контролируемых возможностей политического участия и кооптации предполагаемой или существующей оппозиции. Для Дж. Ганди и А. Пшеворского партия не только мобилизует поддержку и контролирует политическое поведение, но и предоставляет возможность сотрудничества с режимом через стабильную систему патронажа [Gandhi, Przeworski, 2006, p. 15].

В теории селектората Буэно де Мескиты политические институты выполняют функцию определения круга акторов, участвующих в селекторате и выигрышной коалиции (части селектората, достаточной для обеспечения власти лидера над обществом и селекторатом). Члены выигрышной коалиции в обмен на свою лояльность режиму получают определенные дивиденды, превышающие риски выхода из коалиции, поэтому главной задачей для лидера, желающего сохранить свою власть, является расширение селектората / коалиции [The logic of political survival, 2003].

Объединение элиты и общества вокруг правящей партии не только расширяет селекторат режима, но и ведет к маргинализации антирежимных политических движений, а формальное расширение социальной базы режима неформально обеспечивает его поддержку оппозицией, что значительно уменьшает угрозу распада режима в результате переворотов и революций. В исследовании С. Хантингтона перевороты происходили в многопартийных режимах (85%) и гораздо реже – в однопартийных (25%) и режимах с доминирующей партией (33%) [Huntington, 1968, p. 423].

Авторитарные лидеры, должно быть, читали Хантингтона: до 1990 г. авторитарные режимы имели в среднем по одной эффективной партии (1,3 – однопартийные, 1,1 – военные, 1,3 – персоналистские), после 1990 г. наряду с общей тенденцией к демократизации число эффективных партий возросло до 1,6 в однопартийных режимах и до 1,8 – в военных и персоналистских [Wright, 2010, p. 22]. Однако подобная многопартийность сохраняет доминирование правящих партий, а другие партии нужны только для нейтрализации оппозиции, которая получает «политическую автономию в форме политических партий, что представляет собой идеальное институциональное устройство для диктатуры» [Gandhi, Przeworski, 2006, p. 15]. Многие авторитарные режимы допускают существование одной или нескольких партий, которые могут артикулировать настроения оппозиционных групп, потенциально готовых свергнуть диктатора, тем самым обеспечивая сохранение режима. В исследовании Дж. Ганди только 19% авторитарных режимов были беспартийными, 22 – однопартийными и 59% – многопартийными [Gandhi, 2008, p. 39], но лишь небольшое число партий могло соперничать с партией правящей. Многопартийные режимы с доминирующими партиями такие же устойчивые, как и однопартийные режимы. Исследования демонстрируют наличие сильной связи между количеством мест в парламенте у правящей партии и выживанием авторитарного режима: увеличение доли мест на 1% уменьшает на 2% риск распада правящей коалиции, а увеличение мест с 55 до 75% соответствует уменьшению риска распада авторитарного режима на 30% [Svolik, 2012].

Авторитарные политические партии усиливают стабильность авторитарных режимов через расширение поддержки режима, кооптацию или раскол оппозиции (отделение умеренных от радикалов) и уменьшение возможностей (из-за увеличения затрат) антирежимной мобилизации «снизу». Поэтому единственной наименее затратной и потенциально успешной альтернативой давления на режим становится оппозиция изнутри режима. Подобная оппозиция может в дальнейшем изменить тип авторитарного режима и сделать его способным к демократическим трансформациям. Некоторые исследования [Wright, 2010] подтверждают, что наличие политических партий дает авторитарным лидерам определенные гарантии и позволяет сохранить власть даже при изменении

политического режима и перехода к демократии, так как в демократии политические партии бывшего авторитарного режима могут победить на выборах.

Парламенты в недемократических режимах позволяют артикулировать оппозиционные настроения без открытого сопротивления режиму. Парламенты существуют в 60% военных режимов и 91% гражданских (по сравнению с 54% монархий) [Gandhi, 2008, p. 94]. До 1990 г. парламенты имелись в 90% однопартийных режимов и только в 33% военных и 75% персоналистских. После 1990 г. парламенты стали нормой для однопартийных режимов (99%) и присутствовали в 56% военных и 84% персоналистских режимов [Wright, 2010, p. 22].

Парламенты идеально подходят для достижения следующих целей: обеспечения представительства выбранных диктатором групп, предоставления им возможности предъявлять требования, контроля над процессом переговоров, и демонстрации хотя бы формального желания диктатора подчиняться внутренним правилам [Gandhi, Przeworski, 2006, p. 14]. Авторитарные парламенты так же, как и партии, помогают сохранить авторитарные режимы: во-первых, снижают вероятность замены одного диктатора другим, во-вторых, обеспечивая доступ потенциальной или реальной оппозиции к властным структурам, препятствуют появлению неконтролируемых лидером требований изменения режима. Авторитарные парламенты не являются уступкой режиму оппозиции, так как в первую очередь нужны для нейтрализации угроз режиму. Несмотря на то что парламенты в диктатурах носят фасадный характер и процесс принятия важных решений происходит за пределами парламента, если оппозиция соглашается участвовать в таких парламентах, уменьшаются шансы трансформации режима и его замены другим авторитарным режимом. Поэтому оппозиция может согласиться на такое участие в рамках диктатуры только в случае отсутствия возможностей свержения лидера и надеясь на постепенную трансформацию диктатуры изнутри.

Авторитарные режимы часто вводят институт выборов. Выборы нужны для легитимации режима, для уступок оппозиции, преодоления распада режима и главное – для получения информации о реальной поддержке режима и распределении этой поддержки.

В исследовании Ганди в 75% диктатур существовали парламенты, 92% из которых выбирались [Gandhi, 2008, p. 35].

С точки зрения А. Шедлера, эти лидеры надеются «сорвать плоды электоральной легитимности без риска демократической неопределенности» [Schedler, 2002, p. 37]. И если внутренняя легитимация таких выборов может быть под вопросом, международная легитимность часто дает позитивные результаты. Б. Магалони утверждает, что авторитарные выборы нужны для сохранения режима, так как предотвращают объединение оппозиции, только часть которой может участвовать в выборах, а также демонстрируют силу власти и сохраняют лояльность режиму [Magaloni, 2006, p. 8–10]. Участвуя в выборах, оппозиция обрекает себя на поддержку существующего режима, а не на его насильственное свержение в результате переворота или революции. Хотя всегда «в авторитарных режимах оппозиционные партии проигрывают выборы» [Schedler, 2002, p. 47].

По мнению Дж. Браунли, «выборы – это не смерть диктатуры, а ее жизнь, не ящик Пандоры, открывающий перспективы для политических перемен, а клапан безопасности для регулирования общественного недовольства» [Brownlee, 2007, p. 8]. Действительно, институт выборов значительно продлевает существование режима. В базе Б. Геддес военный режим, проводящий регулярные выборы, продержался 20 лет, военный режим без выборов – шесть лет, а военный режим с нерегулярными выборами – девять лет. Персоналистские режимы с регулярными выборами также продержались в два раза дольше (21 год), чем без выборов (12 лет) [Geddes, 2006]. Но авторитарные лидеры соглашаются на испытание выборами исключительно для уменьшения угрозы неэлекторального свержения и «вследствие небольших затрат управления этими рисками» [Cox, 2007].

Итак, политические партии, парламенты и выборы являются основными элементами, способными сохранить недемократический режим ненасильственными способами. Эти институты не приводят к смене лидерства, не являются инструментом вертикальной ответственности, однако они необходимы для разрешения внутрережимных конфликтов и предотвращения потенциальной дестабилизации режима. По мнению Б. Геддес, «с точки зрения диктатора, партии поддержки и выборы – ключевые элементы его

персональной стратегии выживания» [Geddes, 2006]. Выборы и парламенты разделяют оппозицию, так как обеспечивают селективную кооптацию лояльных фракций (партий) и предотвращают появление объединенного оппозиционного режиму фронта.

Недемократические режимы и переходы к демократии

Исследование А. Пшеворского и Дж. Ганди показывает, что недемократические режимы склонны к самовоспроизводству: после военных режимов возникают новые военные режимы, а на смену гражданским (в том числе однопартийным) диктатурам приходят новые гражданские диктатуры, а совсем не демократии. Механизм такого развития прост: автократы всегда оказываются перед лицом двух угроз – со стороны правящей элиты и со стороны аутсайдеров из общества. Традиционный способ борьбы с явными или предполагаемыми угрозами с использованием насилия и репрессий является, во-первых, достаточно затратным, во-вторых, не всегда эффективным для предотвращения новых заговоров и попыток переворотов, в-третьих, еще более подрывающим легитимность (в том числе и на международной арене) нелегитимного режима [Gandhi, Przeworski, 2007]. В базе данных Б. Геддес только 34% режимов перешли к другому типу авторитаризма [Geddes, 1999], у Хадениуса – 77% режимных изменений привели к новому типу авторитаризма [Hadenius, 2007]. Однопартийные режимы могут трансформироваться в демократии, многопартийные ограниченные режимы и многопартийные режимы с доминирующей партией, а военные режимы, как правило, переходят в режим ограниченной многопартийности [Hadenius, Teorell, 2007].

Однопартийные режимы редко трансформируются в демократии, только 19% режимов перешли к демократии, остальные либо распались в результате военных переворотов (39%), либо трансформировались в режимы с доминирующими партиями (33%). Режимы с доминирующими партиями демонстрируют лучшие показатели: 29% перешли к демократии [Magaloni, Kricheli, 2010, p. 130–131]. Так как доминирующая стратегия однопартийных режимов направлена на предотвращение протестов и требований перемен, только в случае давления «извне» или «снизу» лидеры однопартийных режимов готовы начать либерализацию и далее

демократизацию, причем только «однопартийные режимы под давлением» обладают потенциалом к переговорному транзиту. Это объясняется тем, что, с одной стороны, попытки удержания власти приводят к уступкам в процессах демократизации, а с другой стороны, переговоры могут обеспечить достойный уход и предотвратить насильственное свержение. Благодаря такой тактике сохранения инициативы в транзите многим бывшим партиям-гегемонам удается удержать свои позиции в новых демократиях и псевдодемократиях (новых соревновательных системах с доминирующей партией).

В военных режимах демократические транзиты могут начинаться после внутренних разногласий и расколов и имеют больше шансов на успех, особенно при повторной демократизации. Армия по природе своей всегда готова «вернуться в казармы», поэтому при условии получения определенных гарантий транзит к демократии, скорее всего, должен быть пактированным, а не насильственным. Именно предпочтения военных объясняют наименьшую среднюю продолжительность существования военных режимов по сравнению с недемократическими режимами другого типа и наиболее вероятный путь транзита [Geddes, 1999]. Военные режимы, в отличие от других недемократических режимов, готовы к реформированию, и любые попытки сохранения военным режимом своей власти обычно исходят из стремления сохранить единство армии и получить амнистию за прошлые преступления.

Военные режимы могут согласиться на передачу власти гражданскому правлению и на демократизацию в случае получения гарантий соблюдения их корпоративных интересов (единство и честь армии) и отсутствия преследования за преступления против человечности. Учитывая, что такие гарантии легче получить, если военный режим сам начинает переход к демократии, оптимальными моделями для транзита являются трансформация и трансрасстановка. Наименее желательная с точки зрения военных лидеров модель замены возможна в случае, когда неэффективный военный режим с расколотой элитой не предпринимает шагов в сторону демократии и противостоит широкой антирежимной мобилизации масс или проигрывает войну. Результаты изменений военных режимов: 33% изменений привели к демократии, 27 – к режимам с

доминирующими партиями, 8% – к однопартийным режимам [Magaloni, Kricheli, 2010, p. 130–131].

При персоналистском режиме все решения всегда контролируются лидерами, и оппозиционные фракции или личности, в редких случаях появляющиеся в окружении лидера, практически не имеют шансов организовать ни переворот, ни успешный транзит. Оппозиция в режимах личной диктатуры в случае победы и последующего смещения лидера получит больше преимуществ, чем оппозиционные фракции в однопартийных режимах, однако возможные риски неудачи являются сдерживающими факторами, поэтому в нормальных обстоятельствах оппозиция редко выступает против диктатора. Так как присоединение к оппозиции может быть очень рискованным мероприятием, члены клики имеют еще меньше альтернатив, и поэтому присоединяются к ней только при очень хороших шансах на успех. Большинство персоналистских режимов распадается после смерти лидера, поэтому для сохранения преемственности лидеры часто создают партии, сохраняют парламенты и вводят институт выборов, что может привести к трансформации персоналистских режимов в однопартийные или режимы с доминирующей партией. Анализ Геддес демонстрирует, что персоналистские режимы наименее склонны начинать демократические преобразования и осуществлять пактированный транзит. Распады личных диктатур, таким образом, чаще всего осуществляются только насильственным способом в результате массовых протестов, революций, переворотов, гражданских войн и внешнего вмешательства, и не всегда на смену диктатуре приходит демократия.

Наиболее благоприятен для развития демократии режим ограниченной многопартийности, «соревновательный авторитаризм» С. Левицкого и Л. Уэя или «электоральный авторитаризм» А. Шедлера. Соревновательные авторитарные режимы представляют собой полудемократии разного типа, от приближающихся к электоральным демократиями по уровню плюрализма, конкурентности и соблюдения гражданских прав, но нарушающих критерии демократических выборов, систем с доминирующей партией, в которых правящая партия широко использует любые средства принуждения, патронажа и контроля для превращения любой оппозиции во второстепенную силу, до персоналистских режимов, а также целый ряд промежуточных вариантов. Главное отличие подобных режи-

мов от автократий – это готовность толерантно относиться к функционированию (но не победе) оппозиционных партий, однако даже это, по мнению Даймонда, создает условия для будущего прорыва к электоральной демократии [Diamond, 2002].

С точки зрения Дж. Браунли, «выборы являются симптомами, а не причинами режимных изменений» [Brownlee, 2007, p. 10]. Действительно, согласие на участие в соревновательных выборах является своеобразным симптомом изменения позиции авторитарных лидеров. Еще С. Хантингтон в «Третьей волне» писал, что для любого диктатора лучше потерять пост при демократии, чем жизнь при авторитаризме. Современные исследования показывают, что все диктаторы выигрывают, если следующим лидером будет демократ: после перехода к демократии 77% гражданских и 84% военных лидеров сохранили свободу и получили шансы на участие в политической жизни [Templeman, 2010, p. 37].

Литература

- Acemoglu D., Robinson J.A., Verdier T.* Kleptocracy and divide-and-rule: A model of personal rule: Paper presented as the Marshall Lecture at the European economic association's Annual meetings. – Stockholm. – 24 August 2003. – Mode of access: http://www.international.ucla.edu/cms/files/acemoglu_robinson_verdier.pdf (Дата обращения: 5.6.2012.) – 33 p.
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K.* Political economy under weak institutions: Do juntas lead to personal rule? // *American economic review: Papers & proceedings*. – Nashville, 2009. – Vol. 99, N 2. – P. 298–303.
- Brownlee J.* Authoritarianism in the age of democratization. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 264 p.
- Brownlee J.* And yet they persist: Explaining survival and transition in neopatrimonial regimes // *Studies in comparative international development*. – New Brunswick, NJ, 2002. – Vol. 37, N 3. – P. 35–63.
- Brownlee J.* Portents of pluralism: How hybrid regimes affect democratic transitions // *American journal of political science*. – Hoboken, NJ, 2009. – Vol. 53, N 3. – P. 515–532.
- The logic of political survival / Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J.* – Cambridge: MIT Press, 2003. – 550 p.
- Cheibub J.A., Gandhi J., Vreeland J.R.* Democracy and dictatorship revisited // *Public choice*. – Dordrecht, Norwell, MA, 2010. – Vol. 143, N 1. – P. 67–101.

- Cox G.W.* Authoritarian elections and leadership succession, 1975–2000. – November 2007. – Mode of access: http://igs.berkeley.edu/programs/seminars/ppt/papers/cox_20071119.pdf (Дата обращения: 05.06.2012.)
- Diamond L.* Thinking about hybrid regimes // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 21–35.
- Egorov G., Sonin K.* Dictators and their viziers: Agency problems in dictatorships // William Davidson institute Working paper. – 2005. – N 735. – Mode of access: <http://www.wdi.umich.edu/files/Publications/WorkingPapers/wp735.pdf> (Дата обращения: 5.6.2012.) – 35 p.
- Ezrow N., Frantz E.* The politics of dictatorship: Institutions and outcomes in authoritarian regimes. – Boulder: Lynne Rienner, 2011. – 133 p.
- Frantz E.* Breaking down the residual category: Policy stability among dictatorships from a veto players perspective. – April 2003. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=904263> – 39 p.
- Frantz E.* Tying the dictator's hands: Leadership survival in authoritarian regimes. – March 2007. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=975161> – 31 p.
- Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 232 p.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and the survival of autocrats // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Gandhi J., Przeworski A.* Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorship // *Economics & politics*. – Oxford, 2006. – Vol. 18, N 1. – P. 1–26.
- Geddes B.* Minimum-winning coalitions and personalization in authoritarian regimes // *Annual meetings of the American political science association*. – Chicago, 2004. – Mode of access: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/cpworkshop/papers/geddes.pdf> (Дата обращения: 5.6.2012.) – 32 p.
- Geddes B.* Paradigms and sand castles: Theory building and research design in comparative politics. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2003. – 314 p.
- Geddes B.* What do we know about democratization after twenty years? // *Annual review in political science*. – Palo Alto, CA, 1999. – N 2. – P. 115–144.
- Geddes B.* Why parties and elections in authoritarian regimes? Revised version of a paper prepared for presentation at the annual meeting of the American political science association. – Washington, D.C., 2005. – March 2006. – Mode of access: <http://www.daniellazar.com/wp-content/uploads/authoritarian-elections.doc> (Дата обращения: 5.6.2012.) – 30 p.
- Greene K.F.* The political economy of authoritarian single-party dominance // *Comparative political studies*. – Beverly Hills, CA, 2010. – Vol. 43, N 7. – P. 807–834.

- Huntington S.P.* Political order in changing societies. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1968. – 488 p.
- Hadenius A., Teorell J.* Pathways from authoritarianism // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2007. – Vol. 18, N 1. – P. 143–156.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.
- Magaloni B.* Credible power-sharing and the longevity of authoritarian rule // *Comparative political studies*. – Beverly Hills, CA, 2008. – Vol. 41. – P. 715–741.
- Magaloni B., Kricheli R.* Political order and one-party rule // *Annual review of political science*. – Palo Alto, CA, 2010. – N 13. – P. 123–43.
- Magaloni B.* The game of electoral fraud and the ousting of authoritarian rule // *American journal of political science*. – Hoboken, NJ, 2010. – Vol. 54, N 3. – P. 751–765.
- Schedler A.* Elections without democracy: The menu of manipulation // *Journal of democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 36–50.
- Smith B.* Life of the party: The origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // *World politics*. – Washington, D.C., 2005. – Vol. 57, N 3. – P. 421–451.
- Snyder R., Mahoney J.* The missing variable: Institutions and the study of regime change // *Comparative politics*. – Chicago, Ill, 1999. – Vol. 32, N 1. – P. 103–122.
- Svolik M.W.* Power sharing and leadership dynamics in authoritarian regimes // *American journal of political science*. – Hoboken, NJ, 2009. – Vol. 53, N 2. – P. 477–494.
- Svolik M.W.* The politics of authoritarian rule. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. – В печати.
- Templeman K.A.* Who's dominant? Incumbent longevity in multiparty regimes, 1950–2006: APSA 2010 annual meeting paper. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=1657512> (Дата обращения: 5.6.2012.) – 69 p.
- Wintrobe R.* Dictatorship: Analytical approaches // *The Oxford handbook of comparative politics* / C. Boix, S.C. Stokes (eds.) – N.Y.: Oxford univ. press, 2007. – P. 363–394.
- Wright J., Escribà-Folch A.* Authoritarian institutions and regime survival: Transitions to democracy and subsequent autocracies. – October 2010. – Mode of access: Link: <http://www.personal.psu.edu/jgw12/blogs/josephwright/Wright%20Escriba%20BJPS%20Final.pdf> (Дата обращения: 6.6.2012.) – 49 p.